

## Из ранних «стихотворений в прозе»

Владимира Гиппиуса

Публикация Т. Игошевой (ИРЛИ РАН), Ю. Орлицкого (РГГУ)

Первые образцы миниатюрной прозы Вл. Гиппиус публикует в своей первой книге «Песни» (1897): это вошедшие в ее третий раздел озаглавленные и состоящие из отдельных частей протяженные тексты «Могилы» и «Смятение» (их, по аналогии со «стихотворениями в прозе», можно условно назвать «поэмами в прозе») и составившие четвертый раздел семь лирических текстов, не имеющих заглавий и обозначенных в оглавлении, как лирические стихи, первыми строками: «Ты не знаешь, ты не можешь болеть моим горем...», «Я – белая влага...», «Тебе снился весенний сон...», «Я давно сижу в этой обитой серыми обоями комнате...», «Когда я вижу, как выступает из дневного света...», «Ненужные листья опадут...» и «Я не горжусь, о нет! я тихо радуюсь...», которые вполне позволительно именовать «стихотворениями в прозе».

В сборнике «Писатели символистского круга» В. Н. Быстров опубликовал еще несколько прозаических произведений Вл. Гиппиуса: две, условно говоря, «поэмы» («Над столицей сырое и темное утро...» и «Царевна угасла (Настроения)») и два стихотворения в прозе («Вчера» и «Из одного путешествия...»). Характеризуя первое из них, В. Н. Быстров справедливо пишет, что в нем «чувствуется усилие выработать какой-то новый язык: экспрессивный, метафорический, насыщенный неожиданными образами и сравнениями», однако следом оговаривается: «Однако нередко это оборачивается неоправданными изломами художественного мышления и тем косноязычием, которое современники отмечали в стихах А. Добролюбова».<sup>1</sup>

Эта характеристика вполне относима и к другим включенным в публикацию произведениям, и к прозе начинающего писателя в це-

---

<sup>1</sup> Проза Владимира Гиппиуса 1890-х гг. / Предисл. и публ. В. Н. Быстрова // Писатели символистского круга: Новые материалы / Ред. В. Н. Быстров, Н. Ю. Грякалова, А. В. Лавров. СПб., 2003. С. 30.

лом (напомним, что практически все известные нам ее образцы датируются тремя годами, 1894–1896, то есть временем, когда Вл. Гиппиусу было от 18 до 20 лет); не случайным выглядит и упоминание в приведенном пассаже имени Добролюбова, причем не только как поэта, но и как автора близких гиппиусовским по природе и структуре прозаическим фрагментам.

«Декадентскую» прозу ранних русских символистов вполне органично продолжают и их тексты, написанные в других формах и жанрах: критических статьях, мемуарах, эпистолярной, в последние годы благодаря усилиям Е. М. Биневица, А. М. Грачевой, О. А. Линдберг, А. А. Кобринского, Ю. А. Рыкуниной и др., появившихся в печати.<sup>1</sup> Синтетичность и особая метафоричность этих произведений – начиная с написанного для книги С. А. Венгерова очерка о Добролюбове – тоже неоднократно упоминалась исследователями.

В любом случае публикуемые ниже тексты из Рукописного отдела ИРЛИ РАН (ф. 77, ед. хр. 97, 98, 100, 101, 103–106) представляют несомненный интерес и для исследователей генезиса русского символизма, и для понимания логики развития русской словесности Серебряного века, и для характеристики творчества одного из его интереснейших представителей.

Важно отметить, что хранящиеся в указанном фонде материалы свидетельствуют о напряженной работе юного литератора над своими произведениями: некоторые из них представлены в нескольких редакциях и вариантах (опубликованное в «Песнях» «Смятение» – ед. хр. 102; «Новое солнце» – ед. хр. 97), практически все содержат правку, нередко затрудняющую прочтение текста.

На некоторых единицах имеются поздние пометки автора, показывающие изменение отношения к ним автора; так, на первой стра-

---

<sup>1</sup> *Гиппиус Вл.* О самом себе / Подгот. текста, публ., послесл. Евг. Биневица // Петрополь. Литературная панорама. 1993–1996. СПб., 1996. С. 119–132; *Кобринский А. А.* Владимир Гиппиус: правда и поза (Приложение: *Гиппиус Вл. В.* Отчаявшиеся и очарованные) // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы / Отв. ред. К. Ю. Лаппо-Данилевский, А. Б. Шишкин. СПб., 2010. С. 549–561; *Рыкунина Ю. А.* Владимир Гиппиус об акмеистах: «Учителя и ученики» // Литературный факт. 2017. № 5. С. 207–224; *Гиппиус Вл.* Золотой век. Из писем к иностранцу / Вст. ст., подгот. текста и коммент. Ю. А. Рыкуниной // Русская литература. 2018. № 1. С. 99–127; Проза Владимира Гиппиуса 1890-х гг. С. 27–43; *Гиппиус Вл. В.* О Блоке, что помню / Предисл., публ. и коммент. А. М. Грачевой и О. А. Линдберг // Писатели символистского круга: Новые материалы. С. 44–76.

нище публикуемого ниже цикла из 32 стихотворений в прозе (ед. хр. 104) карандашом написано: «Все это почти сплошь выдуманная чепуха».

Тем не менее, именно этот цикл представляет собой наиболее подготовленное автором к публикации произведение, о чем свидетельствует, в частности, сквозная нумерация текстов римскими цифрами, озаглавленность их и беловой характер рукописи с минимальным количеством правок; именно с этого цикла мы начинаем нашу публикацию.

Остальные подборки прозаических миниатюр, обозначенные в описании как циклы («Пустые небеса», 1895 – ед. хр. 103); а также ед. хр. 97, 100, 105, названные составителями описей просто «стихотворения в прозе», представляют собой чаще всего случайные подборки текстов или состоят из разрозненных фрагментов авторских циклов, о чем свидетельствует неупорядоченная авторская пагинация, непоследовательность озаглавленности/неозаглавленности, различие почерка и цвета чернил т. д. Тем не менее, представляется возможным опубликовать эти подборки в том виде, в котором они отложились в фонде.

Наконец, три ед. хр. – 98, 101 и 106 – тоже можно условно трактовать как поэмы в прозе; они приводятся в конце нашей публикации.

\* \* \*

## I. БРЕД

Не налагайте оков... Цепи... Цепи... Тяжело... Слух раздражает-  
ся их звяканьем, стоном закованных...

Воли, воли!

Пусть волны чувств и мыслей темных и светлых высоко взды-  
маются в душе моей... Пусть до звезд долетают их брызги.

Раскатистая трель соловья, нежная, чарующая звучит в ответ  
на таинственный шепот теней ночи... Как разливается... Душа  
моя выливается в ней, твоей вольной песни... Стоны, звяканье  
цепей...

Оставьте... Тяжело... На волю! Цепи, цепи!.. О, как звякают...

Дайте оторваться от болезненной и тусклой земли, дайте взле-  
теть к небесам... Я верю, вы страдаете. Слышу я свист бича.

Синяки на страдальческом теле, кровь сочится из ног... О, позор  
тебе, мир!.. А у меня душа болит, болит! Понимаете ли вы, люди,  
болит...

Нет, не понять вам страдальцам от взмахов тирана-бича стра-  
дальца от бессилья душевных порываний...

Господи, Господи, неужели и ты не поймешь?

## II. В МОГИЛЕ

Снится мне, что я лежу в могиле, зарыт живым, но всё чувствую.  
Мне душно, страшно! Я с силой стучусь о крышку гроба, кричу,  
зову, но голос замолкает, и только глухое неприятное эхо отдается в  
земле... Воздух становится спертым... Я рву на себе волосы... Голо-  
ву давит тяжесть... Две-три яркие картины моей жизни мгновенно  
проносятся в голове...

О Господи! Отворите, отворите!

Что это словно бы солнечный луч светит в гробу... Солнечный  
луч!.. Отворите, отворите! Эхо замирает... Слух заволакивается...

А там-то лучи, лучи...

Отворите!

### III. ДВОЙНИК

Раз ночью я проснулся и вижу стоит передо мною мой двойник... Дрожь проняла меня, но я совладал с собой. Гневно и сурово смотрит он мне в глаза и чудится, что он пронизывает меня насквозь и вызывает дрожь...

«Что тебе нужно», – спрашиваю я наконец.

Тогда взгляд его сделался еще суровее, и показалось мне, что он издает грубые, неясные звуки... Я вслушался, он глухо говорит: «Безумец! Будь младенцем, каким ты был раньше. Куда идешь? Обернись – сзади свет, взглядишь вперед – там стелется мрак. Только безгрешный душой – счастлив, никакое другое человеческое счастье не может тебе заменить этого высокого счастья.

Ступай назад! Ты был младенцем, им и оставайся. Только безгрешный душою – счастлив! Безумец, безумец!»

Слова замерли, двойник исчез.

Я понял, что это была моя совесть... и, плотнее уткнувшись в подушку, я заснул.

Легко сказать, будь младенцем. А все пережитое? Разве это не бездна, которую никто из смертных еще никогда не переступал. Прежде чем сделаться младенцем, надо ее перешагнуть!

Ну-ка, ты, мудрый советчик, перешагни-ка!

Небось скрылся!

Прекрасно я выспался в эту ночь!

### IV. ГОРЕ СТАРОГО ДУБА

В одной старой роще рос древний многолетний дуб, а рядом с ним – молоденький и тонкий дубок. И рос молодой дубок все выше и выше, и все красивее делался он, а старик-дуб с гордостью и любовью смотрел на свое детище. Но однажды (хорошо помнил старик-дуб этот день!) голубой небосклон покрылся черными темными тучами, ярко заиграла молния, закатился гневным смехом гром, брызнули крупные капли дождя, подул буйный ветер...

Начался ураган!

Ветер с необычайной силой срывал крыши с домов, сносил кресы с могил, с корнями вырывал деревья. Высокий вековой дуб твер-

до стоял на земле: он привык к ураганам. А молодой дуб не устоял перед всевластной стихией. Один раз, два изогнулся, а на третий сломился совсем! Вздрогнул старый дуб, каждым сучком, каждым листиком встрепенулся он... Ярче заиграла молния, глуше и свирепее засмеялся гром, застонал буйный ветер, и эхом застонал старик-дуб...

Зачем пощадило его ненастье? Зачем оставило его одиноким старым сиротою...

Э-эх, сострадательная природа!

Скорбно стонал старик, рыдала, хохотала и плакала шумная непогода...

## V. ПОЭТИЧЕСКАЯ ПРОГУЛКА

Теплая ночь, звезды, луна, серебрящая сонный залив... Словом, обычная картина, которая, я думаю, даже поэтам надоела...

Ты шла, семена своими полудетскими ножками, по каменистому берегу и, закинув голову, глядела на тучи, которые, плавно тая, утопали в лунном блеске... Хорошо и красиво было на небе, очень красиво, и я думал, как хорошо бы было, если б у меня сердце стучало не так угрюмо и злобно... Но думы и остались думами. Мне было пасмурно и невыносимо... Мне казалось, что легкий вечерний ветерок, плывя меж нами, отдаляет нас друг от друга.

Веселая была прогулка!

Ты побежала к берегу моря, и ноги твои чуть коснулись его зыблущейся поверхности...

– Ай, я промочила себе ноги!..

Чудная, поэтическая ночь... Звезды разгорались все ярче и ярче...

О, как воспел бы я это незабвенное мгновенье, будь я поэт!

## VI. НЕЛОВКО

Я знаю, что она на меня сердится. И она на это имеет право... О, я это прекрасно знаю!.. В груди набирается горечь... Я скажу ей все... Мне тяжело... Я упаду ей на грудь.

Я у нее в комнате.

– Ты читаешь?

– Да-а.

Молчание. Она смотрит строго и закусывает губу. Я конфужусь. Мне кажется, что у меня под глазами делается красно...

Подхожу к столику и рассматриваю лежащие на нем картинки.  
«Как бы уйти? Неловко!»

Взглядываю исподлобья на нее. Читает книгу. Окно раскрыто. Вечер. Небо темнеет. Тускнеют деревья. Над травой – роса.

В воздухе вьются комары.

«Как бы уйти? Как бы уйти?.. Неловко!»

## VII. ОТЧЕГО?

Я сижу с моим отцом, которого я люблю и который меня любит.

Он смотрит на меня холодно и строго. У меня есть много, очень много что сказать ему. Я сдерживаю дыхание. Мы молчим. Он вертит цепочку часов, я гляжу на носок своего сапога... Тяжело... Отчего это?

\* \* \*

Я в обществе глупых и пустых людей, которых я не люблю и которые меня не любят. Они смотрят на меня с пренебрежением.

Шумный, бессмысленный, болтливый разговор...

Голова моя горит. Я прерываю их. Я говорю, много и убедительно говорю... И как я их ненавижу, о как ненавижу, и все – говорю, говорю...

Отчего это?

## VIII. У ПЕЧКИ

Зимний вечер. На дворе холодно, клоками валит снег и завывает ветер... В комнате, где мы сидим, тепло и уютно. В печке трещат дрова. Все освещается дрожью их света.

Я сижу с ней на диване у печки. Мы друзья. Она рассказывает «историю своей любви», медленно, уныло устремив взор на огонь и не шевелясь. Я слушаю, едва сдерживаясь. Я люблю ее первой чистой любовью (смеется, кто прочитает!). Мне не по себе слушать, что

она любила другого и что эта любовь в ней горит до сих пор... «Как эти дрова? – приходит мне на ум сравнение. Но ведь эти дрова сгорят! И любовь сгорит!?! Может быть, сгорела?»

Тепло... Голова кружится. В комнате полутьма. Я подвигаюсь к ней и целую ее в щеку, силясь обнять плечо.

– Я люблю тебя –

Она отстраняется с выражением гадливости и изумления на лице... Встает с дивана. Отходит. Подошла к окну и глядит на улицу. Я остаюсь на диване и думаю... о том, что дружба – вещь непостоянная.

За окном завывает ветер; снег валит комками... Там холодно, и мне кажется, что этот холод проникает в мою душу.

У печки становится жарко сидеть... Дрова все горят да горят...

## IX. ПИСЬМО

Я получил твое письмо. Ты меня не любишь.

В висках стучит. Глаза заволакиваются. В открытое окно плывет душистый весенний воздух. Светлое лазурное небо, волнистые легкие тучи, яркое солнце, смех его переливчатых лучей... Небо радуется, небо встречает весну.

Сердце, встречай же и ты весну; мы с тобой молоды. Радуйся, смейся вместе с солнечным лучом, вместе с небесами...

Но сердце не слушает и плачет, и мечется, и рыдает...

В висках стучит. Глаза заволакиваются... Передо мной лежит твое письмо.

## X. ЗАСЫПАЮ

Догорает свеча... воцаряется мрак.

Я укутываюсь в одеяло. В голове теряется связь мыслей. Сквозь дымку забвения слышится стук сердца. Мне чудится, оно нарочно бьет по одеялу...

«Ярослав Мудрый отличался миролюбивым характером...». О, Господи! Наладилось, не идет из головы.

Мысли расплываются...

«Заметь: всегда ставится неопределенное наклонение...»

Я вижу старую грамматику, засаленную, с завившимися углами... Буквы отделяются от страницы, становятся выпуклыми... пропали. Я думаю... Черные, скучные мысли...

Завтра гимназия, послезавтра гимназия, опять гимназия, опять, опять... Все одно и то же... вечно одно и то же... Скучно... Свеча догорела... мысли догорели... Пахнет гарью... Засыпаю...

## XI. СКАЗКА НОЧИ<sup>1</sup>

Летний вечер ступшевывается в темную ночь. Небо изукрашивается нарядом звезд, месяц намечает свой путь и уже скользит сквозь белые облака по звездам... Облака рвутся, расплываются, сплываются, крутятся... Пруд – словно зеркало в темной, скудно-освещенной комнате. Водоросли не шевелятся. Сплетаются сучья деревьев, кивая своим изображениям в воде. Замирает запах цветов, тает и сливается с волнами росы на тускло-изумрудной траве... Где-то стрекочет кузнечик...

Ах, я помню! Помню светлое счастье!.. Нет прочь, прочь отсюда!.. Жутко! Страх на меня наводит эта сказка волшебной, тихой ночи...

## XII. СВИДАНИЕ

Я жду... Она сейчас придет. В этой беседке за огородным частоколом нас никто не увидит. Сумерки трепещут. Последние отблески дневных лучей фантастично струятся в воздухе.

Майский жук прожужжал над ухом и хлопнулся на скамейку... Скоро ли она придет? Ага! Идет. Я слышу, как шлепает она маленькими босыми ногами по песку. Вот ее красный сарафан... моложавое лицо... Она меня увидела...

И мы вместе. Я прижимаю ее к себе. Дыхание делается горячее... Она наклоняется ко мне... О, моя милая!

Что это, словно бы луком откуда-то потянуло... Поцелуй, Ах, это у нее изо рта луком пахнет... О, моя милая!..

### ХІІІ. ЗА РАБОТОЙ

Лампы свет бьет мне в глаза. Перо скрипит, скользя по бумаге. Скучную я исполняю работу. Монотонно и машинально работает ум, а воображение рисует образы пережитого, которые скоро и плавно проходят в моей памяти. Сколько их! Один, два...еще, еще!.. Без конца они, без конца! Неужели все эти образы совместились в моей памяти. И как они странно скользят, словно тучи, по темному ночному небу...

Что за свет? Все образы осветились, все тучи на темном ночном небе... Не месяц ли? Нет, нет! Что же это?

Ах, это ты, моя дорогая, моя светлая!

Здравствуй!

А я уж думал, что ты затерялась в этой многолюдной толпе... Нет, здесь ты, здесь со мной... Хорошая моя!.. Какой нежный, тонкий луч...

Перо скрипит, скользя по бумаге. Лампы свет бьет мне в глаза...

### ХІV. ВРЕМЯ

За стеной бьют часы: раз, два, три... Три часа. Ночь. Темно. Мне не спится. Три часа? Потом пробьет четыре, пять... Время бежит скоро, недосыгаемо скоро. И не поймаешь ни одной минуты. Что говорю? Часа не поймаешь! Думаешь насладиться блаженством такого-то часа. Глядь, час словно бы обратился в минуту и прошел... Уж прошел! Господи, и так вся жизнь! Попробуешь поймать блаженство ее, она обратилась в мгновение – и нет блаженства – жизнь прошла... Нет уж, пусть лучше тянется скучная, однообразная жизнь: я не хочу, чтобы время издевалось надо мной... Что это?

Открываю глаза и вижу: в темноте в воздухе висит какая-то ужасная рожа, безобразная, старческая, смеющаяся... Язык высунут, скользит по щекам и указывает часы... Это время? Да, да! А я себе представлял его легкокрылой бабочкой...

И как бы в ответ на мою мысль, время рассмеялось громко, неприятно, с резким звоном... О, какой звон... Рожа пропала. За стеной часы пробили четыре.

## XV. ДРУЗЬЯ

– Пойдем прогуляться.

– Пойдем!

Мы вышли. Сырой тепловатый воздух, алмазы дождя на траве и на деревьях, болезненная улыбка солнечных лучей сквозь синие разбросанные по небу тучи. Мокрый песок вязнет под ногами. Мы идем рядом. Он смотрит ясными глазами вперед и вдыхает свежесть воздуха. Я гляжу на небо, кося взглядом.

Он – жених той девушки, которая мне дороже всего, образ которой жжет мою душу, светлое лицо которой мелькает у меня в тусклом сердце.

Я его ненавижу, ее жениха. За что? Он не силой отнял ее у меня, она и не знает о моей безнадежной (пошлость, торжествуй!) первой любви. И странно у нас с ним всегда завязывается горячий разговор. Вот и теперь. Мы говорим скоро, шумно, много, перебивая друг друга. Я разгорячился, наговорил дерзостей. Молчание. Я бессознательно радуюсь этому молчанию.

Он протягивает мне руку.

– Ну, помиримся. Мы ведь – друзья? Стыдно же ссориться друзьям. Мне ничего не остается, как пожать его протянутую руку.

Разговор продолжается тихо, мирно, серо...

Он называет меня своим лучшим другом.

Я знаю, – это вполне искренно, он меня искренно, сердечно любит... А я?

О, я тоже люблю тебя, «мой лучший друг»!

## XVI. В ДЕТСКОЙ

Тише... Не шумите!.. Засыпай, моя крошка!

Мягко сквозь сизый луч лампы глядит на тебя Спаситель. Добрая мама, склонившись над твоей постелькой, и крестит тебя, и целует. Доброй ночи! Спи, моя крошка! Ты сомкнешь свои лазоревые глазки, а я сяду около тебя и буду смотреть на твое кроткое нежное личико. Я отдохну душой, глядя на него, я замечтаюсь, я буду наяву видеть твои пестрые сны. Бури, бури истомили меня... Спи, моя крошка, голубка моя, дитяtko, радость моя...

Я отдохну душой!

## XVII. КТО ЛУЧШЕ?

Брат мой предо мной провинился. Я вышел из себя. Я кричу на него, я готов побить его: так клокочет кровь в моей груди.

Наконец я в изнеможении опускаюсь на стул.

Отвертываюсь: брат мне противен. Взгляд мой блуждающий и дикий падает на улицу. Вижу я: одна собака наскочила на другую, лает, рычит, готова изгрызть ее. Кровь бросается мне в голову. Совесть. Я думаю подойти к брату и попросить у него прощения... Но я не подошел к моему брату... да, не подошел. Рычание собак становилось все сильнее.

## XVIII. СОВА КРИЧИТ

Сырой холодный вечер. Туман призрачный и синий. Широкая река. За рекою пропадает в тумане лес.

Протяжно и остро крикнула сова. Не ребенка ли режут? Жутко! Есть что-то недосказанное в совином стоне. Словно бы словами хотела она выразить свое страдание и разрешилась резким криком.

Не душа ли это страдальческая, ноющая, грешная, и после смерти притягиваемая гнетом недужной земли?

Сыро. Туман становится непроницаемым для глаз... И все туман...

Куда не оглянешься, – туман... На небе туман, на земле туман, даль в тумане...

Сова кричит...

## XIX. БУКЕТ

Как хорош, как свеж, как душист пышный букет жасмина.

Уже несколько часов стоит он у меня в комнате. Запах опьяняет меня. Голова начинает кружиться. Мне следовало бы позаняться, но я не в силах. В мыслях туманно. Ужасно пьяный запах у этого жасмина. Я знаю, что он вреден, что его нужно вынести из комнаты... Но я наклоняюсь, я дышу его сладкой отравой.

Свеж и душист пышный букет жасмина...

## XX. ВДОХНОВЕНИЕ

Говорят, что вдохновение является порой от раздражения тела.

Что это чешется у меня на груди. Раздражительно чешется. Мне лень расстегнуться, и я как будто безотчетно сержусь. Настроение разрастается. Я пишу.

«Мне тяжело, душа моя тоскует,  
Я весь в огне! Печаль, моя печаль,  
Не мучь меня...

Однако невыносимо больно на груди. Я расстегиваюсь. Всматриваюсь. Что это?.. Через руку прыгнула блоха – ха-ха-ха!

Да на чем, бишь, я остановился?

«Не мучь меня, сурово негодует  
Мой бедный ум...

## XXI. ЛЕВОЙ НОГОЙ

Я сегодня встал левой ногой. (Впрочем, я, кажется, вообще никогда не встаю правой!).

Холодно. Сжаться, съежиться хочется, уйти в какую-нибудь тесную, тесную раковинку и сидеть там, враждебно посматривая на все и на всех. Отчего это всё сегодня так серо, так кисло? И эта глупая жизнерадостность солнечных лучей, и эта слащавая небесная лазурь, и этот sentimentalный бег белых туч, которым посвящено такое неизмеримое множество стихов... Когда-то посвятил и я. Дурак! Я съеживаюсь.

Пробегает веселая, смеющаяся сестра, я гляжу на нее и представляю ее себе в старости.

Собака ластится ко мне... Брысь! Ты напоминаешь мне одного моего друга!

О, о как холодно, как серо, как кисло...

## XXII. ДИВНЫЙ МИГ!

Как смеялись звезды, как улыбался флегматичный месяц, как таяло лиловое небо в их насмешливых лучах! Как пахло и резедой, и березой, и еще чем-то (не помню, чем?). Как упоительно квакали лягушки, как «рыдал» соловей, как мяукала кошка, поджидая кота

на карнизе балкона... Душистая, светлая, музыкальная ночь (если бы я был поэт, я [бы] поставил в рифму «прочь» и даже повторил бы прочь, прочь!). Скверно было на душе. Голова болела. Словно бы уголья прикладывали к вискам. Чего-то безотчетно хотелось. Тело горячила прохлада ночи.

Что-то зашуршало. Я оглядываюсь, на пороге стояла она.

Пиши, живописец, картину... Ночь... балкон... Звезды... месяц... Она... и он...

Фу ты, как глупо!

Я, слава тебе Господи, не поэт, и поэтому просто так, не для рифмы, произношу сквозь зубы: «Прочь, прочь!»...

### XXIII. СУМЕРКИ

Городские сумерки гаснут...

До моего слуха доносится стук колес. Окно открыто. На дворе завывает гармоника.

«Бедный труженик» отдыхает за музыкой...

Прелестно! Ну, а я? Я ведь тоже труженик, и даже, пожалуй, бедный, что же мне не над чем отдохнуть... Музыка?! Не хочу я музыки! Чтение... Нет, нет, не в состоянии... Над чем мне отдохнуть? А душа так просит отдыха!

Городские сумерки гаснут. Клочок потухающей лазури дразнит меня несбыточной сказкой. Бедный труженик берет ужаснейшие аккорды... Голову клонит ко сну... Но я не могу спать...

Чего я хочу?

Сумерки почти погасли...

### XXIV. Я ОБМАНУТ

Я обманут... обманут! Слишком трогательно. Просто надули. Она меня уверяла в своей любви, а вчера я видел, как целовалась с одним мерзавцем (неприменно мерзавцем!). Положим, это понятно: целовалась со мной, целуется с другим... Но все же неприятно и скверно!..

А какой сегодня смеющийся день!.. Загляденье! Перед глазами развернулось изумрудное поле...

Ширь какая! По полю тащится стадо.

Я стою. Зачем я стою? Не понимаю.

Солнце слепит мне глаза. Стадо подходит все ближе и ближе. Передний бык подошел ко мне, уставился и, словно прищулив глаз, посмотрел... Он не может понять, что за существо стоит перед ним: рогатый, а человек!

Счастливый бык! У тебя рога от Бога положены, а мне женщиной подставлены... Я рогат! Черт возьми, выдумают же такую пошлую насмешку...

## XXV. ОКНО НАСТЕЖЬ

Осенний холодный вечер... Поздно... Окно настезь. Народу на улице делается все меньше и меньше... Грязь, слякоть. Сыро. Сеет дождь. В голове почему-то вертится:

«Давно ль под волшебные звуки  
Носились по зале мы с ней...»<sup>2</sup>

Грязь-то, грязь...

Смех, хохот, взвизгивание. Под окном проходит «нарумяненная девица», с сильно надтреснутым голосом и «беспокойным взглядом»... Юнкер идет за ней и что-то говорит...

Лицо – пошлое; я не слушаю, что он говорит, но мне думается, что он и говорит пошлость.

«Девица» хохочет.

– Дайте папироску...

Сеет дождь... Голоса замирают.

Напротив из трактира выходит пьяный мужик. Все на нем засаленное, рваное... Он отходит немного, шатается и падает, шлепаясь в серую грязь...

Грязь-то, грязь-то какая! В воздухе становится сырее и тусклее.

«Давно ль под волшебные звуки  
Носились по зале мы с ней...»

## XXVI. ЛЮБОВЬ, ЛЮБОВЬ...

Маленькая, низенькая, накуренная комнатка... Шумливая, беспорядочная товарищеская беседа.

– Надо любить всей душой, отдаваясь безрассудно любимому человеку.

– Согласен! Надо любить всей душой, но не безрассудно: рассудок и сердце друзя...

Клубы дыма... Смеющиеся лица, разнузданные позы...

– Господа, как не стыдно. Что за слезливая кислятина, любить всей душой!.. Все вздор. Люби, когда кровь волнуется!

– Нет, я допускаю только возвышенную любовь, это так поэтично...

Хохот, клубы дыма, шум, крик...

Я молчу, потому что я глубоко и чисто люблю; любовь моя не может вылиться в пустозвонном слове, задевающим только поверхность души и не доходящем до дна.

## XXVII. КОГО Я ЛЮБЛЮ?

Когда я вижу красивую, высокую, хорошо сложенную и дышащую здоровьем женщину, в лице которой переливается молодая жаркая кровь, взор которой горделиво скользит по зале, полной огнями, звуками, голосами; голосами, готовыми петь ей хвалебные гимны за ее жизненность, кипучесть и страстность, тогда я испуганно отхожу прочь: мне становится не по себе: я боюсь ее черных бархатных глаз.

Но когда ты маленькая, худенькая, с белокурыми волосами по полудетским плечикам, пугливым сдержанным взглядом голубых лучистых глаз, болезненной улыбкой на полуоткрытых губах, протягиваешь мне свои бледные изваянные ручки, тогда я жадно припадаю к ним любовным поцелуем; я весь трепещу, когда твое хрупкое тельце всё вздрагивает от холода, от смеха, от испуга...

На душе моей тихо... Родственно ей твое маленькое, худенькое тельце, твой ласкательный взгляд и тихая болезненная улыбка.

## XXVIII. ЕСЛИ БЫ... НО...

Если бы я был властелином земли, что бы я ни сделал для тебя... всю красоту, всю гармонию принес бы я к твоим ногам. Нежной росой поутру омыл бы я твое девичье тело, убрал бы его незабудками,

розами и сиренью. Сапфирным гребнем расчесал бы я твои мягкие золотистые кудри, уложил бы тебя в шелковом шатре, устланном внутри пышными коврами, раскинутом на берегу говорливой реки, и лесные, и полевые птицы улаждали бы твой слух пением, бабочки прислуживали бы тебе...

Если бы я был художником, я воплотил бы твою красоту и твою душу в высокое мировое творение, отдал бы его на капризный суд современников и потомства, и они бы упали ниц перед твоим изображением, они бы ставили твое имя вместе с моим именем...

Если бы я был Богом, на незримых крылах грезы поднял бы я твою душу в чертоги светлооких херувимов и обратил бы ее в небесную гармонию, вечную, непостижимую, бесконечно высокую...

Но так как я шестнадцатилетний гимназист, то объяснившись в любви и получив за это подзатыльник, ухожу подобру-поздорову, во избежание еще одного...

## XXIX. УЧАСТИЕ

Всякий человек старается огородиться от других, жить только для себя, наладив один и тот же ответ: «Моя хата с края, ничего не знаю!» Все, все так! Если и являются такие, в натуре которых есть искорки любви, которые силятся быть участливыми, то они только силятся, это только усилия солнечных лучей пробиться сквозь густые и темные тучи.

О, я хорошо знаю, как это горько!

Я помню, когда я, изнемогающий, едва удерживающийся, чтобы бессильно не пасть на мостовую, где меня сейчас же раздавили бы тысячи эгоистичных ног, когда я в такие дни приходил к моему другу, единственному другу, и... останавливался у порога его комнаты. Мне что-то сдавливало грудь, мне становилось мучительно: я вспоминал его «милое» выражение лица, с которым он встретит меня. Я знал, в нем не будет ни злобы, ни насмешки... о, нет! Одно участие! Но это участие! Я потом прочел плоды его участливого отношения в его повести... Он меня «выставил».

Еще помню я, как я пришел к ней, по выражению какого-то поэта, «сестре моей души»,<sup>3</sup> тоже в одну из нерадостных минут. Боже, как ласково она приняла меня, как нежно целовала; и я рад был про-

вести с ней весь вечер, мало того, рад, это было для меня необходимо. Я высказал это, прижимая ее к своей груди.

– Ах, нет! Извини, голубчик, извини, сегодня вечер у Д. Я не могу не ехать. Ты не сердись?

– Конечно, нет!

На что же мне было сердиться? Я сказал ей, что я даже очень рад тому, что она веселится.

Но с тех пор запер я мою душу в узкий ящик, плотно-плотно, на крепкий замок.

### XXX. СКАЗОЧКА

Хотите, я вам расскажу сказочку, крошечную сказочку? Может быть, она вам кое-что выяснит. Высокий, красивый, седовласый старик Опыт горячо полюбил черноокою южанку Счастье, полюбила его и Счастье, т. е. не полюбила, но охотно вышла за него замуж. Они поселились в имении Опыта. Опыту приходилось часто отлучаться из дому; он учил в Земской управе брать взятки. Во время его отлучек жену его посещал красивый отрок Юность...

Избавьте меня от пошлых разъяснений!

Прибавлю только, что Юности приходилось каждый раз вылезать из окна, лишь только раздавались шаги Опыта.

Он почему-то избегал его.

Вот и вся сказочка... Простите, что коротка.

### XXXI. НЕЧТО ЕВАНГЕЛЬСКОЕ

«Возлюби ближнего своего, как самого себя...»<sup>4</sup>

И я люблю своего ближнего, даже больше, чем самого себя.

Когда моя душа было «упитана печалью», я не шел за утешеньем «к Ней», я не хотел смущать ее веселости, я боялся солить ее щеки солью моих слез. Я садился в своей комнате, подперев лицо руками и силился плакать... только силился... Слезы едва-едва катились по моему лицу, хотя они и душили мою грудь.

Я глубоко страдал.

Однажды я шел в театр с единственным рублем в кармане. На дороге мне встретился нищий, оборванный, с испитым буро-крас-

ным лицом, с ввалившимися глазами. Ему было холодно. Он оттирал свои худощавые руки снегом.

– Подайте. Я голоден.

Я сунул руку в карман и подал ему рубль, единственный рубль, предназначенный для театра. Нищий глупо улыбнулся и взял бумажку, а я отплюнулся и пошел домой.

Это был день происшествий.

Проходя по набережной, я заметил толпу народу. Кричали, шумели, спорили.

– Что такое?

– Мужчина бросился в реку.

Я вмешался в толпу: не мог же я, следуя евангельскому афоризму, броситься его спасать. Плавать я не умел, да и вода холодная, уж с изморозью. Неприятное, должно быть, ощущение очутиться в реке.

Но кто скажет, что я не любил утонувшего?

Нет-нет, я его глубоко любил.

### XXXII. ЗАКАТ И РАССВЕТ

(Страничка из разорванного письма)

...Вот и день догорел. Сгустился цвет небес. Луна пробивается сквозь белесоватые тучи и разливает вокруг неясный тихий свет. Малиновый закат все шире и шире облегает полушарие неба, все тоньше и тоньше румянит его. Воздух застыл, ветер не струится сквозь тонкие кусты. Деревья купаются в вечернем сумраке. Взор мой прикован к волшебному закату.

Мне вспоминается восход солнца, который я видел несколько дней тому назад. В нем есть что-то чахоточное, что-то кислое и тусклое.

Да, Софья Михайловна, я понял, что закат бывает лучше рассвета, грациознее, волшебнее.

Вот вам мой ответ на ваш вопрос, отчего я, почти мальчик, любил вас, тридцатилетнюю женщину.

Да, закат бывает лучше рассвета!..

(Выдержка из письма, посланного через месяц после того, как было разорвано предыдущее...)

... Я отдыхаю в деревне. Рано ложусь спать, рано встаю. Утром на рассвете иду гулять.

Если бы ты, Лили, знала, что за роскошь это, рассвет; тебе, наверное, никогда не приходилось его видеть.

Представь себе: спит зеркальная река, спит земля и лес, увлажненные синей росой, спят молодые кусты. Где-то несмело запеваает птица. Все тихо, все бело... Но солнца еще не видно. Я стою на берегу реки и гляжу, как остролистая ива чуть трепещет на глади реки. А река так прозрачна, так чиста, как утренняя греза, как непорочный взгляд.

Гляжу на небо. И чудо! Оно все порозовело, словно невеста в полупрозрачном вуале.

Розовый свет желтеет, край неба румянится мягким пурпуром. Выплывает солнце.

Роса искрится серебром, смелее запевают птицы. Что сравнится с рассветом? Закат? Этот приторный, полутемный, снотворный закат? Полно! Никогда!

Недаром же и поэты сравнивают юность с рассветом.

Как он роскошно-грациозен... Он мне напомнил тебя, мою нежную, мою светлую Лили.

## ПУСТЫЕ НЕБЕСА

*Все вышнее покрыто молчаньем.*

Синезий<sup>5</sup>

\* \* \*

Ни молитв, ни песен... Но когда-нибудь они свежие, полнозвучные обновленные.

Откуда, когда?

Мой темный угол – в тот миг его странно осветила луна – мой темный угол подсказал мне, что они выползут в белую ночь весны из ветхого, уснувшего вертепа, и Она, бледно-зеленая, беззвездная и – я верю – бездумная коснется их...

И над пустынными крышами и под крышами и на скудной воле поднимутся песни... да, песни...

Но я не верю, что когда-нибудь будут молитвы...

Я верю, что Белая Девственница – непорочна, как я, как мое безверие, как мое Слово: я верю, что ее грех – очищение, что мой по-

рок – просвет и путь к грядущему туману. Я верю, что я один люблю<sup>6</sup> ее затаенный во мраке приход, ее полуночную денницу, ее великий Восток и безмолвие.

Я верю, что только мы одни велики: я и она, что только мы оба истинно не верим в нищего Бога, в безграничную любовь и в радость истязания.

Что мы одни поднялись выше усилия, что мы одни бесстрастны и покойны, покойнее темных гробов, что мы – одни в целом мире.

Я и Белая Девственница...

\* \* \*

Все стены будут безлюдны под небом глубоко-гаинственным, без лучей и мрака...

Люди будут уныло грезить в пьяном, тяжелом сне, и сновидения будут проходить в длинных, бесцветных туниках и будут звучать как потухающий звон...<sup>7</sup>

И больные будут видеть смерть, бледную, женственную и ласкающую, всю озаренную лунным сиянием...

И жадно алкать ее первого поцелуя...

В смятении они будут пробуждаться и бессильно звать на помощь...

И в то мгновение, когда в безысходном слиянии пробудится обманутый сновиденьем больной, страхи ночные тревожно стекутся к его ногам, к его изголовью, обнимут и убаюкают его темнеющим ужасом, отойдут и приблизятся брачному ложу и увидят, что брачное ложе измято и пусто.

Боязливо встрепенутся ночные страхи и, испуганно закрывши очи, в ужасе, в горьких слезах убегут от людей – ниже, ниже в сырое и холодное подполье.

\* \* \*

Девственница, пройди все ступени греха, неги и оскорбления тела, вкуси сладость прикосновения, беременности, деторождения. Девственница, сделайся женщиной и очистишься грехом. Твои груди опадут, твои руки обессилеют, поблекнут взоры. Дух угаси в бессмертном, но все же обреченным на разложение теле, и исторгни дух из тела. Тело твоё вызывает к безумию, дай ему безумие. Пусть оно разложится через безумие и освободит дух твой, живой дух.<sup>8</sup>

\* \* \*

Женщина, я люблю тебя, как себя.

Я склоняюсь пред тобой, я полюбил твоё унижение, твоё сладостное тело, твою ребяческую резвость...

Власть очей моих требовала от тебя твоё тело, и ты отдала его мне, светлое, сладостное, ласкающее...

Великий Ветер скосит тебя и сбросит в недра Земли, и оскверненная мною, ты зацвела весенними цветами...

Солнце – знойно в ясном небе, весенние цветы <1 нрзб.> и душисты, но я люблю женщину, как себя люблю, и Великий Ветер – я знаю, веет и зовет меня за собой.

28. III. 1895

\* \* \*

Пред нами ступени ввысь ушли... Весеннее небо высоко... Бог зовет нас... зовет...

О какая пустыня в душе моей, сухая и мертвая... Ни ветра, ни звука, ни запаха... Боже, дай нам силы достигнуть хоть первой ступени... Видишь, голодные галки поднялись и летят к тебе...

Господи, и ты примешь их: они поднялись выше всех ступеней...

Они близко к тебе...

Господи, смилуйся!

Господи, избранник твой погибает...

Без мольбы, без славословия, без проклятия...

Господи, Господи, – дай нам силы достигнуть первой ступени!

---

Я проклиная тебя... мудрость твою, славу и бесстрашие...

Я проклиная тебя за то, что ты мне дал тело и кровь.

Я проклиная и не верю в тебя.

Нет ступеней... весеннее небо низко спустилось над стогами...

И не слышно голоса твоего...

Я не слышу голоса твоего...

Я слышу, как травы растут, как снега падают, как месяц сияет...

Мой слух внимает таинство жизни и не слышит голоса твоего...

Сатана не искутит меня. Я мудрее и злей Сатаны: я взял от Сатаны всю его мудрость и превзошел эту мудрость.

Хвала Милосердному Богу, он создал меня сильнее себя, и я по-  
прал его...

Я призван был Сатаной, чтобы его уничтожить...

Хвала Сатане!

Мы с тобой пойдем этим каменистым рвом и нарвем незабудок.

В них июньская лазурь, в них июньские звезды.

Они странно и сладко пахнут.

Ты не слышишь их запаха... они сладко пахнут... в них лазурь...

– Отчего твои очи так вспыхнули?

– Я хочу тебя...

– Что ты говоришь... Ты становишься страшным... твои глаза  
горят. Я не понимаю тебя.

– Я люблю твои руки... твою грудь... твои ноги... Ты блед-  
неешь... Но я горю тобой...

– Отойди.

Я люблю тебя, как самого себя, я полюбил твое сладостное  
тело...

Я отдаюсь тебе... весь, пламенею от тебя, мое тело знойно и сла-  
достно, как и твое...

– О не надо... не надо...

– Я хочу тебя... о не бойся... ты моя...

\* \* \*

Сострадательные лица людей над разорванным собаками тру-  
пом!..

Труп человека! Смейтесь, собаки, люди страдают и женщины  
обливают его слезами.

Что же ты молчишь над этим растерзанным трупом.

В нем не было силы и мысли, в нем была страсть и провидение.  
Ты любила его, ты целовала его гордое, оскорбленное чело. Он судо-  
рожно касался устами груди твоей, не тронутый страстью и бессили-  
ем. Грудь, грудь, носившей в себе Бога.

Собаки смеются, люди страдают и женщины льют слезы.

Что же ты молчишь, закрыла очи руками, нагнула гордую голо-  
ву...<sup>9</sup>

29. VII. 1895

\* \* \*

Отойдите. Не касайтесь ее. Ночь таинственна. Звезды явственны. Роса занялась. Она молится.

Но неужели она молится о том, над чем смеялись собаки.

29. VI. 1895

### ПЕРВАЯ ЭЛЕГИЯ<sup>10</sup>

Много бы рассказать, но ключья предо мной, серые, холодные. Мне скучно, и я гляжу от скуки назад.

Вчера фонари блестели, колеса стучали, стихало... ах, как зажигалась звезда.

Много бы рассказать... Ты смеешься. Я тоже смеялся вчера. Улицы были людны. Отовсюду шли грязные, ободранные старухи. От них пахло табаком и потом. Они говорили мне слащавым шепотом на ухо, закатывая под лоб водянистые глаза: «ах, как звезда!». Я со всем не смеялся.

Много бы рассказать... Смешно: звезда – красивая, белая искорка. Я вижу только искорку. Полкрая неба – синее. Здравствуй, звездная ночь. Но звездная ночь обнажала только белые искорки.

Внизу был шум, и было людно.

Сказать, что я думал, когда вокруг меня гудела толпа? Я думал, что толпа гудит подо мной, да – подо мной.

Смешно? Я маленький, пошленький. Я тебя обманываю... Нет, передо мной сторонятся, небо скалит свои белые искорки, весь гул подо мной. Мужчины почтительно уступают мне своих надушенных, разряженных дам. Я сказал, что я женщин не признаю, и отошел. Они мне протягивали свои тонкие ручки в красивых перчатках и клялись, что они целомудренны. Я ласково целовал их маленькие ручки и говорил, что я в этом уверен, а старухи закатывали под лоб глаза и говорили: «ах, какая звезда!»

Меня кто-то дернул за рукав, я оглянулся.

Ты стояла передо мной и улыбалась.

Наконец-то! И старухи, и дамы расступились перед тобой. И мы шли. Было шумно и светили фонари...

15 апреля–22 июня 1895.

\* \* \*

Маленькие глупые деревянные солдатики, как один, похожие друг на друга, вдруг начали двигаться, говорить, мыслить.

Маленькие глупые деревянные солдатики.

Один из них, который был потрепаннее, закричал ни с того ни с сего, что они все друг на друга, как один, похожи и что ему это очень приятно.

Все смеялись. Солдатык кричал, кричал, даже в ярость пришел. Его забрали в участок.

Мне очень жаль солдатака... Мне не жаль.

\* \* \*

Я привык говорить для слова.

Мне неприятно смотреть, как сочится рана, как нищий утирает грязными, мозолистыми руками покрытое сыпью лицо. Неприятно, когда женщина скрежещет зубами в родах. Но мне все равно. Мне все равно, потому что (диалектики, насторожите уши), потому что я люблю свое тело. Ох, диалектики, уйдите <1 нрзб.> Вы все слишком добры и вычищены, пристойны.

Меня оскорбляют они, те – и солдатики, и грязные людишки.

Я хочу «сладких звуков»,<sup>11</sup> прикосновений нежных и светлых, и вольных речей, вольных и пустынных.

Во мне нет гордости, но мысль моя беспредельна. Мир и все в мире – беспредельно.

В беспредельности – ужас, и потому во всем ужас, разлит ужас. Он грядет из-под земли (из-под земли?!) и застилает небо.

Вся мудрость в том, чтобы закрыть глаза и не смотреть...

*22 июня 1895.*

## ВТОРАЯ ЭЛЕГИЯ

Что? Ты продрогла? Как прижалась к печке-то! Холодно, зябко! Да, да, сыро! Экое невзгодье. Не приведи встретить! Сыро. Я сам продрог. Кажется – стихает? Ветер ворвался в оконную щель и засмеялся.

Что ты улыбулась? Ты думаешь, ветер не может смеяться? Он смеется, чертовски смеется, и знаешь над чем? Ты не угадаешь, ни за что не угадаешь...

Он зло смеется, предательски смеется.

Трах, рвануло окно.

Полыню. За окном полынь растет...

Вот возьму и поцелую. У тебя намокшее, слизкое лицо...

Возьму и зацелую! Как собака вылижу эти холодные капли на щеках. Ты любишь? Ты хочешь прижаться, покрепче, потеплее прижаться... Хочешь?

Ишь ты, ветер-то, ветер свистит и смеется... веришь теперь, что смеется. Хочешь прижаться... тепло? Любишь меня, небось? А?

Из зимних (январских или февральских) этюдов

\* \* \*

Я не хочу быть божественным или бесстрастным, я хочу быть тленом и брэнностью, я хочу быть частицей земли, любимой, побитой земли, быть боязливой влагой над топким болотом, или быть жесткой крапивой над запущенной могилой, жесткой крапивой, прильнувшей уныло к кресту, еле видным блудящим огоньком, чтобы лобзать лапы осторожной волчицы и таинственно указывать дорогу ненавидящей змее.

Я ненавижу бесстрастие и молчание богов, людей, вытягивающих изо все<х> своих [сил] тело, становящихся на цыпочки и [стремящихся] достигнуть бесстрастия. О ненавистные ужимки!

Я ненавижу их и в эти минуты я хочу быть ветром пустынных полей, чтобы нести в своих руках пыль и тлен – остатки былых богатей, и свистеть на просторе, и гнаться за быстрой стаей голодных степных птиц... И вдруг поднявшись выше птицы в синее грозное облако и нестись в отвратительном сиянии бесстрастной луны, проклиная это сияние и гасить его раздраженным грозным покровом и проступать в небе лживой вестницей бури – зарницей.

24. VII. 1895

\* \* \*

Много желаний говорили поэты с тех пор, [как] явились на земле и то ползти змеей, то взвивались игрушечным змеем, то мирно бродили по полям доброй коровой в стае добрых<sup>12</sup> коров, то порхали над цветами пестрой божьей коровкой.

Конечно, завидный удел!

Жизнь, я не знаю кто тебя назвал так, я тебя не знаю, есть ли ты, кто и что – ты!

Сбрось с себя ненужные железные доспехи и проведи меня мирно и незаметно сквозь ряды людей, одетых в воинственные маски.

### САНТИМЕНТАЛЬНАЯ ПЕСЕНКА

Старые, старые песни. Запыленные тетради, пожелтевшие листья заученных книг... Любимые песни. Я читал их когда-то давно... давно это было. Тогда оснежалась черемуха в темном саду, трава зеленелась... воды... давно это было. Грустно я ждал твоей недосказанной ласки... песни, бледные, тихие... Я так боялся их тишины...

Не надо....

Не трогай за стеклянной решеткой запыленных старых книг. Пускай они – там...

Вот – тетради, мои старые и любимые тетради, исписанные детской мечтательной ручонкой, тоненьким почерком, кружевным. Это всё – старое, старое.

Я не помню пути, только не то теперь... да не то...

Старый голодный нищий стоит передо мной...

Он мокрый... у него добрые глаза... дряхлые руки. Он зовет меня...

Я за ним. Старые песни в котомке. Старые песни.

Я за ним.

### СЛОВО О ГРЕХЕ И ПОРОКЕ

*Николаю Николаевичу Майеру*<sup>13</sup>

Брат мой, я не отвергаю порока, как нечистое, и не хочу клеймить его именем оскверняющего, ибо многое непорочное – худшее клеймо для чистого от порока и многое из порока осияло бы другого непорочного.

И не знаю я, какой порок заклеить бы и какой бы прославить, ибо не знаю ничего из мудрости, и очи мои – слепы пред ней.

Ты скажешь, что дурно все – ведущее к гибели, а я тебе скажу, что и этого не знаю, ибо никому не открыто, в чем цель и смысл бытия нашего, в жизни или в смерти.

Не для нас мудрость и оставим ее; поэтому порока не отвергаю и не хочу клеймить его, но воистину говорю тебе, брат мой, берегись порока и пребывай в целомудрии...

Потому что много грязных пальцев протянуто к душе твоей и много ноздрей ищут зловония.

Предайся греху, все и порочные, и непорочные плюнут в тебя, много грязных пальцев коснутся обнажившейся души твоей – будь ты чист или нечист во грехе своем,

Ибо воистину говорю, что и грех может быть целомудрен, и горе тебе, если ты чист во грехе своем.

Брат мой! Не гляди светом очей своих на муть их и грязь их. –

Взгляни в зеркало, глаза твои потускнели, и все пальцами указывают на тебя и ликуют, что потускнел свет твой. Ты этим уже приблизился к ним.

Брат, пребывай в целомудрии, и если не находишь друга целомудренного, отврати лицо свое от них,

Ибо истину псалмопевец завещал нам:

Блажен муж иже не иде на совет нечестивых.<sup>14</sup>

Золото хороню, брат мой! В быстротекущей реке хороню золото мое, и пусть волна реки унесет его, золото мое не достанется нечестивым.

Золото мое непорочно, и пыль греха ложилась не нем, как пыль цветов.

Как пыль цветов весенних, благословенных зарей утренней.

Золото мое непорочно.

Золото мое хороню, брат мой, в быстротекущей реке.

*25 октября 1895.*

\* \* \*

1

Это – вечерний, колыбельный шепот, это так же, как осеннее небо опускается еще ниже, и громады надвигаются одна на другую, отягченные серым дождем... Думы – любимые...

Мои печали слушали песню дождя, плачевную, прерывистую... мои печали любили строй, прелесть очертаний... мои печали навевали тебе песни, плачевные и задумчивые, как песня дождя.

И слушал эту песню и любил ее как родную. Под невнятное колебание сонного шороха, грезы задумывались, что дорогие руки (?)...

Ты хотела странной ласки, твои странные ласки были далеко и озаряли улыбкой... Я знаю, что эта улыбка озаряет других... не все ли равно, она меня озаряла... и я люблю.

Слушай, мне придумалось, я буду опять нашептывать тебе мои женские печали, озаренные твоей улыбкой. Снежная равнина на неимоверно безбрежном пространстве. Синие тени. Лес серебряный.

Покинутые стены разрушенного старого храма.

Когда<-то> здесь было кладбище, теперь никаких следов.

Снежная равнина на неимоверно безбрежное пространство, но где оно, в каких странах, в какие безответные времена.

И снег падает, кружится, все овеивает пылью мгlistой, и длинный вьющийся вихрь встает над старой, старой могилой.

Тут была могила! В ней похоронена светлая царевна, у которой только забрезжила юность.

О, вихрь поднялся, закружился, она встала и пошла по этой снежной равнине, которой ни конца, ни края...

Светлой улыбкой, озаряя тлеющий путь, шла она и ждала, что сейчас вскроется вся эта земля и встанут мертвые.

Она жива, улыбка мерцала, но мертвые не вставали...

На старых могилах даже не было крестов, но царевна верила, верила, что здесь могилы, живые могилы.

Но могилы – не двигались. На<д> землей стояла мгlistая серебряная пыль, высоко идущая в небо...

И улыбка озаряла ей путь.

И царевна сознавала, что встанут, встанут мертвые, и гордая и одинокая шла по снежному неизмеримо-безбрежному пространству.

*1. XI. 1894.*

## ПОСВЯЩЕНИЕ

Мы под одним, голубым небом, но твой берег далеко от меня, и я один, как и ты, ввиду этих бледных весенних вод, шелестящих у ног моих.

Мы под одним небом, но иной воздух пленил меня, я поверил иным благоуханиям, и иные песнопенья приблизились ко мне.

Я поверил иным благоуханиям, и прибрежные деревья отступились от меня, и прибрежные тростники оделись водой, услыша шаги мои;

И иные песнопенья приблизились ко мне и упали росой на грудь мою и нарекли иными именами мысли мои, и дух мой, и любовь мою.

Я поверил иным благоуханиям, иные песнопенья приблизились ко мне, и я, как ты, один на своем зацветающем берегу.

И в часы одинокой жажды я, склонясь, пью те же бледные воды и орошаю их теми же слезами печали, как и ты.

Мы под одним голубым небом, но твой берег далеко от меня, и я одинок, как и ты, ввиду этих бледных весен<них> вод...

Мы под одним небом, но я пленился иным воздухом, я поверил иным благоуханиям, и иные песнопенья приблизились ко мне...

Но я одинок на своем цвет<ущ>ем берегу, и я печально пью в час неуголимой жажды... эти весен<ние> воды...

Я поверил иным благоуханиям и прибрежные деревья отступились от меня, и прибрежные тростники оделись водой... <нрзб.>

И мои песни <приблизились> ко мне на грудь мою и нарекли иным имен<ем> мысли мои и яз<ык> мой...

30. VIII. 1896.

\* \* \*

## I

Я не знаю куда <у>хожу, но я ухожу далеко, – я пленился иным воздухом, я поверил иным благоуханиям и ин<ые> песнопенья приблизились ко м<не>.

Я не знаю куда я ухожу, но я ухожу далеко: меня вернули в реку Скорби и сияния смерти, как венец над моей головой...

Я поверил иным благоуханиям, и прибрежные деревья отступились от меня и холодные тростники оделись водой...

Но и<ные> песн<опения> приблизились ко мне, и притаились на груди моей и нарекли ины<ми> именами мысли мои и дух мой...

Я плакал над бездной творенья, оставленной людьми за мудрость и служение Плоти (?), я плакал над бездной творенья, и слезы, упа-

дая в нее, возрождались в ней невиданными растениями и устрашали меня своим видом...

И я плакал, оставленный, и бездна глядела на меня зрячими глазами и не могла утешить меня.

И вот одно из растений ее возродилось выше других собратьев своих и приблизилось ко мне и нашептало мне тайну.

И пока оно говорило, другие растения поднялись и окружили ноги мои и с горестным плачем и безобразным стенанием обвили руки мои и грудь мою и приникли к устам моим и нашептали мне Тайну.

И в ужасе раскрыв глаза, я тяжело плакал над бездной, и слезы мои претворялись в растения, и поднимались к лицу моему, и болели вместе со <мной>, и ласкали плоть мою, и одни заменили людей, оставивших меня...

## II

О Горе! Я увидел сияние, Твердь претворилась в Лазурь, и посеяла свет на полях своих, и семена его к утру взошли сторицей, и заглушили иные посевы на полях ее и дали сияние...

О Горе! Лазурь открыла мне прелесть свою и дохнула негой своей, и обманула меня в <I нрзб.> моем, и назвала его сновидение во времени, и блеснула бесцельно в наготе своей.

О Горе! О неизбежное <sic!> утро!

\* \* \*

## <НОВОЕ СОЛНЦЕ>

### I

Новое солнце встало, о я знал, что встанет новое солнце, – каждый день – новый и новое солнце...

О радость, о, торжество бытия и разнообразие прозябания.

Люди, солнце! Солнце взошло из-за моря! Новое солнце встало!

Люди, радостно и славно жить в мире –

Каждый день – новое солнце...

Я бежал, я остановился на берегу приморского города – беспредельной столицы вселен<ной> – и глядел на небо – о радость – новое небо!

И люди услышали – в городе поднимался шум и смятение – люди поднимались.

## II

Мир обновился, мир обновился. Новость – пятиалтынный – мир обновился! Все рассыльные бежали с печатными листами в руках, люди бежали за ними, у всех были удивленные широкие лица – все смышляли наперед, как обновился мир? Отчего обновился?

И рассыльные, закинув головы и подняв листы, как знамена, за пятиалтынный продают радостную весть...

Я один стоял посреди широкой площади столицы вселенной и глядел на вечное солнце над нею... К которому бежал прозревавший народ. Великих несли самые малые, отроки летели на ходулях, дети бежали на четвереньках, девушки неслись с милой улыбкой на губах в легкой и смелой пляске, одни женщины, иные из них, обращенные, стояли у ворот дома и, как подстреленными крыльями, махали руками и недоумевали.

## III

О какое разнообразное, какое радостное, какое безмятежное зрелище!

Все спешат, все торопятся, одних несут, другие бегут, летят на ходулях, несутся в пляске, машут на месте руками –

И все спешат к одной цели, и легкие печатные знамена развеваются и в их руках, и они не успевают прочесть...

И серая пыль, подымавшаяся от ног их, легкомысленно слепит им глаза и не дает видеть Солнца!

*1894.*

## IV

Я стоял не с ними и видел над безбрежной столицей вселенной – новое солнце...

И видел тут и пыль...

*18. III. 1896.*

\* \* \*

Я забуду тебя! О радость, я забуду твои злые неверные глаза, твои тонкие насмешливые губы, твои худенькие руки и дремотное прикосновение их...

Я забуду тебя! Я не буду больше видеть их, не буду слышать твоих плачущих призывов, я забуду – <1 нрзб.> плачи твои – и твою тихую силу и власть надо мной.

О это сбудется! Я слышал сегодня – во сне – на рассвете далекий и ясный голос – о это говорило само утро, его тайный свет и роса – оно говорило, что святая смерть идет в смиренный дом мой, что ее бесследные, неслышные шаги уже услышали бледные деревья...

О радость, о благоухание дальнего утра, о нега, о смерть!..

\* \* \*

Любить неуловимость детских черт, тех черт, которые виделись в старине, некогда сладкой песне – смущенные глаза и вдохновенную улыбку на губах, любить и стыдливо находить смелые, беззаботные руки.

Но если ты придешь ко мне потаенной стопой, накрыв вдохновенную улыбку и глаза темным платком, придешь и протянешь свои смелые руки – я буду грустно, как ребенок, плакать на пороге.

2. II. 1895.

\* \* \*

Извиваясь под пятой человека, червь сказал ему:

«Подожди! Не дави меня святотатной ногой.

Наклонись надо мной и выслушай слово мое...

Слушай! Ты ненавидишь меня!

Я червь земли, я сын ночи и влаги, я сосу ядовитые корни...

Ты человек, ты ненавидишь меня, ты вскормлен сладостным молоком матери своей...

Человек, не дави меня! Наклонись надо мной и выслушай слово мое! Я напитался телом матери твоей, я упился кровью ее, я покоюсь в гниющих волосах ее.

Я сосу ядовитые корни.

Я обречен на погибель твою, я обречен быть властелином твоим.

Слушай властелина своего!

Я царь земли! Тьма и влага родили меня...

Ядовитые корни приютили живот мой, я живу под пятой твоей и ненавижу тебя.

Я ненавижу усилие твое, мрак твой и солнце твое.

Я презираю пядь твою, сладострастное тело и взоры твои...  
Я проклиная землю твою, гордость и похоть и бессилие твое...  
Преклонись темным ухом твоим к стонущей влаге моей...  
Что ты слышишь? Что поет тебе ее непрерывный гул?  
Слышишь, сегодня праздник мой, праздник ночи и влаги, день  
печали твоей, торжество и утешение мое.  
Слышишь, сегодня праздник мой!  
Сегодня я обовью все корни, все нивы, все воды, все пяты че-  
ловеческие, заплесневелым синим дыханием касаясь, ненавидящим  
жалом целуя, я обовью все корни, все нивы, все воды, все пяты че-  
ловеческие, отравлю всякую тварь, всякое произрастание, на благо  
твое созданное и униженное тобой и прославлю унижение твое.  
Не раздавишь меня, человек, не покоришь врага и властелина  
своего, извивающегося под пятой твоей.  
Слышишь? Под пятой твоей не боюсь ее, проклиная усилие  
твое, гордость твою, похоть твою, разум твой и ненавижу тебя!..  
Я во власти твоей, растопчи меня, человек?»  
Но человек не двигался.<sup>15</sup>

*6. II. 1895.*

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Я начал мой труд и думал: я долго и сознательно работал, нахо-  
дил мои дорогие, любимые образы, истинные, не вымышленные, из  
глубины души рожден<ные>, с детства – нежные и льющиеся в моей  
устающей крови – поэтому телесные, ощутимые – и воплотил в них  
то вечное, то тайное и далекое (о, отчего так далеко – тайное!) и,  
явив красоту и окончив «труд многолетний», прочел его снова и ска-  
зал себе ласково и любовно: «Это благо». Или, может быть, желез-  
ная жизнь, разобьет величавую строгость души, и тогда, как женщи-  
на, зачавшая ребенка, (о какой высокий, неизъяснимый образ! – не  
смейтесь, проклятые камни!), брошенная отцом того ребенка, кото-  
рый должен родиться с бесконечной негой, с долгой и сладкой болью  
глядеть на милое детище нераздельно ее.

Наша железная жизнь – темное человеческое самолюбие – не  
бросай мне наряды, монеты и ложь...

Мое детище – нераздельно мое....

*24. XI. 1895.*

\* \* \*

Не бойтесь!.. Я прихожу <к> вам с доброй вестью, и если кудрей моих не осеняет весеннее облако, не надо печалиться: его погасила добрая осень.

Вы говорите, что от одежд моих веет сыростью, и руки мои потус<к>нели во мраке, не пугайтесь: их грустн<ую> жалоб<у> лелеяла тихая осень.

Не печальтесь! Весна пройдет, едва опадут ее вольные воды... Я пришел с новой безрадостной вестью, я держу в руках моих иссушенную ветку акации.

Не печальтесь – последние листья скоро снимет с нее и, бесслезная, развеет по ветру добрая осень.

*8. II. 1896.*

\* \* \*

Тебе снился весенний сон среди оголенных ветвей. Тебе снился весенний сон, твои волосы упали, засеребрились инеем. Последняя ласточка с пронзительным криком села к тебе на плечо и ждала удара Зимы... А зима шла не в воинственных доспехах, не в железе и стали, она шла – белая, тихая, с закрытыми глазами, опустив холодную голову. О, она плакала! Я знаю, ее слезы были белые, необычайные, и падали они печально и однообразно и были они не от мира сего, и земля, недоумевая, застывала под их неопределенной, чуждой лаской...

Ласточка с последним криком упала мертвая на твои колени...

Тебе снился весенний сон. Ветви – под белыми слезами... Поля – безоблачны, широки, небо – ясное, ясны – вершины –

Здравствуй!..

*5 октября 1895.*

\* \* \*

Великая, явственная заря встала и оглянула широким светом поля, реки, и горы заиграли снегом.

Лес, дремучий лес богатырей, молчал и таился. Заря поднималась и золотила верхи черных сосен, дремучий лес молчал и таился.

Великая, явственная заря встала высоко и ждала солнца. Настала священная и страшная тишина.

И тогда дремучий лес богатырей вдруг незримо дрогнул; дрогнул, и из недр его поднялось черное стадо громадных птиц, которые с медленным отвратительным криком полетели туда, где должно было явиться ясное Солнце.

Безумные птицы охватили черными крыльями все заревое небо и завладели им по праву мрака и безмолвия священного леса.

Это было в ночь на шестой день творения.

\* \* \*

Серый утренний свет в грязном переулке... Он бежит холодно и спокойно скользит и не видит... Для него нет солнца. Будь солнце, он расцвел бы и заиграл, но серый утренний свет не хочет солнца.

– Нина, помнишь солнышко...

– Да... Ласковое, теплое...

Серый утренний свет... Ты не одна. Я вижу детские истомленные лица и кроткие руки. Они несут белые цветы, цветы сладко пахнут, – длинные нежные стебли и детские руки.

– Ты улыбнулась.

– Ах, хорошо... не помню... не вижу – милый... светло!

Серый утренний свет...

## NOTRE DAME DE PARIS

Они – большие, огромные, безобразные, как лепные <чудовища> на церкви «Богоматери». Они стучат зубами – толстыми, деревянными – и молчат.

– Войдем в эту старую церковь...

Они – большие, огромные, стучат зубами, и я знаю, что они живы, вечны и незыблемы, как само здание, на великом храме «Богоматери».

*28 ноября 1895.*

\* \* \*

Грех, я не понимаю тебя. Я видел тебя на грязной, серой улице, ободранного и голодного, я видел тебя, темный грех, и не боюсь тебя.

Большой, темный шар висит над огромным, громоздким городом, и все знают и не глядят на него, только редкие любопытные,

но спокойные взоры смотрят и не видят. Но большой темный шар должен когда-нибудь прорваться, и неужели он окажется пустым?

*28 ноября 1895.*

\* \* \*

У вас светлые, нежные тельца, ненаглядные легкие кудри и какие глаза!

Светлые тельца...

Зачем вас одели в такие непроницаемые темные платья, – вы дышите мне не землей...

Вы, нежные, слабые деточки... Я не верю, я не могу верить, чтобы безмерная, непознанная Душа была светлее и чище вашего светлого, нежного тельца!

*28 ноября 1895.*

\* \* \*

Я давно сижу в этой, обитой серыми обоями, с бархатными неприветными диванами и жесткими коврами, комнате. Давно гляжу в мрак ее, и на меня смотрит бесстрастно очами дедов ветхий готический шкаф... Мои окна завешены коврами...

Вы можете изредка навещать меня, я буду рад вас видеть... Только не вносите мне холода улицы, пообождите – и тихо... Не надо беседы. Мы давно понимаем друг друга...

Да... я знаю ваши старые, измученные улицы, – мудрые лица... Да, изредка посещайте меня в моей комнате с серыми обоями, с окнами, завешенными коврами, и неприветными диванами...

*28 ноября 1895.*

\* \* \*

Когда я вижу, как выступает из дневного света пред моими глазами новый образ, новая форма, я боюсь каждый раз, что этот образ посмеется надо мной и скажет: ты «не можешь». Эта боязнь бывает, когда царит день, слышны жесткие звуки, где-то из дальних церквей гудят колокола, но молчит белый дневной свет. Это – боязнь дневного света, трепет таинственного мрака души перед формами, явленными днем.

Когда, выползши из всех огромных щелей, мрак станет над городом и, разинув бесчувственный, но мудрый зев, медленно поглотит и жесткие звуки, и жесткий свет, и жесткое движение, и явственные формы дня утратят свой ненужный смысл, я стою на рубеже, гляжу и вижу родимый мрак, перехожу рубеж, и – во мраке; я живу, я прозябаю, как длинный, тощий стебель, и раскрываю свои тусклые листья. Я во мраке, я живу жизнью несознанной, я в не жившем, и, если порой моя скудная мысль поднимется и глянет вперед, – мои очи – слепы.

*5 октября 1895.*

\* \* \*

Я хочу быть откровенен до дна, до наготы.

Я хочу быть откровенен, чтобы увидеть свою наготу и в болезненной судороге отшатнуться от нее, презреть себя, потоптать и уподобить пыли.

Я хочу смеяться холодно и жестко, как смеется отец, похоронивший двенадцать человек детей и хоронящий тринадцатого, обезумевая от боли и заострения.

Я хочу иметь жало и яд, чтобы в тот день, когда я обессилею от своей собственной лжи, когда я с отвращением сорву с себя ее засаленные лоскутья и с бессильным плачем растопчу их, – убить себя своим ядом.

## ОСЕНЬ

### 1

Ненужные листья опадут – все дороги оденут листья, сухие и влажные...

Сквозь ветви проглянет небо – помутнеет вода...

И ты пройдешь, как всегда, увитая плющом, обнаженная, и долго, непостижимо будешь глядеть в холодеющую воду, по которой поплывут осенние листья... Ты придешь, как всегда.

Зачем же опадают с ветвей и плывут по воде безнадежные листья.

Ветви, вода – и ты над вод<ой>. Вода... Вода слушает, и ты глядишь в нее, глядит и молчаливое небо...

Но зачем опадают и плывут по воде осенние листья?

13. II. 1896.

2

Были и иные небеса, но нам не дано их помнить.

Поля вымерли, за ними – видишь – старые курганы, и там дальше иное. Высокие камни – что скажут они? – их погасили сумерки – но в забвении приник к ним темный скелет боевого коня, и неужели опять вопьется в ногу великого воина забытая ехидна?

Кости мирно дремлют, и над ними заботливо склонились иссохшие травы...

Были и иные небеса...

3

*Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит.*<sup>16</sup>

Ты всегда молчалива и печальна, ты древнее изваянье, ты молчаливая нимфа лесов...

Ты не умеешь и плакать, ты только слушаешь, что лепечет лесной ручей, о чем плачут листья...

Ты всегда печальна... Ты не умеешь и улыбаться... Улыбка осветила бы твои тонкие черты, твои горестные глаза...

Но вода опять лепечет забытое – ты слушаешь – она молчаливо струится по камням...

\* \* \*

Когда придет день – верю, придет он, неизбежный, страшный день, и говорю, когда придет день, и ты, забытый, смиренный и нищий, встанешь, как древле, на широкой площади города и воззовешь к народам, и народы бессмысленно преклонятся пред тобой, пред твоими проклятыми лохмотьями, я стану пред тобой как равный и иступленно с рыданьем глядя в темную пыльную землю, скажу тебе: «Не верю, нищий!», я знаю – о ужас, о проклятие, о скудное величие, я знаю, ты не проклянешь меня, как я...

О, говорю и теперь, я не верю в тебя, смиренный, всепрощающий Бог, не верю униженный и уединенный, как раб неверия моего, и если порой молось в одиночестве моем, без сладости, без боже-

ства, без умиления, я молюсь об одном, чтобы ты проклял меня, как я, в тот страшный неизбежный час.

\* \* \*

Мне трудно, пути кончились; я проклиная мой погасший светоч.  
Здравствуй! Ты идешь... мрак и ты, и ты впереди мрака?  
Ты идешь, увитая белой плесенью – она движется, и в ней змеи (?)  
Здравствуй! Ты была, была во мне, была и в той, о благословим  
сладость уст ее.

Ты идешь, благословим тень ее, – ты и мрак и ты впереди мрака...

Мне темно... путей не было...одно пустое небо – я боялся придорожных камн<ей>.

Я все верил <в> небо – и светоч мой гаснул – о радость, погас...  
Прости!

Ты со мной, увитая плесенью ... Ты?  
О бессмертие!..

*19. II. 1896.*

## ВЕЧЕРНЕЕ<sup>17</sup>

Свете тихий, вечерний!

Как встарь пред иконою, осиянной теплой лампадой, я склонился  
исстрадавшийся.

Как мертвые листья, облетели дорассветные сны.

Одинокий пред лицом стучащего, крикливого, туманного города, я плакал, как затерянный в пустыне. Пришли друзья. Усердные друзья слепили мои пугливые очи и безумством, и принаряженной ложью.

Зачем, обнажая свои изнеможенные холодные плечи, с гаснущей улыбкою и тусклою ласкою склонялась надо мною осмеянная, поруганная людьми бедная, недужная малютка-грешница?

Зачем нищенское, промерзлое зимнее утро, пронизанное вялыми, длинными лучами солнца, озаряло ее страдальческое, изнуренное мною тело, раскрывая ее темные ресницы?

Свете тихий!<sup>18</sup>

\* \*  
\*

Мягко душный сумрак, струящийся неясными лучами от лампад и свечей, тихи и мирны серые мраморные колонны и своды, темно богатое золото, кротки печальные лики Святых.

– Дитяtko мое, родимая... где твоя ручка? Здесь? Ближе, хорошая! Дай твою горячую ручку. Ближе, не бойся...

«Свете тихий святыя Славы бессмертного Отца Небесного...»<sup>19</sup>  
Обремененные, печалующиеся, скорбящие пришли к Тебе, Господи. О, склонись святыней мира Своего над горькою разбитою юностью. Грешны – сны, сумрачны – речи, унылы, унылы молитвы...

Не рыдай, о не рыдай: Он не осудит нас, горюта моя! Он ли, пострадавший, тосковавший, темных наставивший, отвергнет грешный хмурый порыв...

Ты плачешь все? Ну, девочка моя, хорошая, ну, успокойся! Ты, может быть, устала стоять на коленях? Поднимись... сядем... отойдем от иконы!

– Исстрадалась ты у меня, дитяtko мое, все слезинки повыплакала... Такая ты у меня слабенькая, хрупкая, и грудь совсем детская... А они еще мучают, изводят тебя!

– Дорогой мой... сил нет! Совсем нет... Они так терзают меня, гадкие, здоровые, сильные.

– Только не плачь! Не будешь?

– Не буду, дорогой... Я и плакать-то больше не умею, только рыдаю. Вот смеюсь теперь! И злая я стала! Раньше ни на кого не сердилась, а теперь извелась: сил нет!

– Бедная, не вспоминай... не тревожься. Успокоилась? Бедная ты моя!

\* \*  
\*

Они кинули ей в лицо: «развратная, уличная!» Подлые! Развратная? Кто? Она, моя малютка, измученная страстью, беззаветная светлой любовью, она, приголубившая меня на своей изнуренной груди?... Грешница? Развратная?

Господи, неужели и ты осуждаешь?

О, сегодня я готов растоптать всю пошлость людскую, я проклинаю их, сильных и гордых своим рассудком, своей надменной святостью и возвышенным рабством... О рабские, подлые люди!

Знайте же: эта развратница, отдавшаяся мне в своей безудержной полумладенческой страсти, – в сердце моем вечная, непорочная Невеста.

Ненавижу вас... сытые, здоровые!

Господи, пострадавший, угнетенный, не осуди меня за проклятие ненавистных мне... Видишь, горюта моя, детка моя ненаглядная, рыдает без слез, глухо, судорожно, болезненно вздрагивая робкими плечиками... Господи! Не осуди!

\* \* \*

Вечер тонкий, плачущий. Меркнет за окном дневной раздражительный путь. Окна осыпаны инеем. Лампа скучно и мягко горит.

Ты нагнулась над работой. Плечики, укутанные в кофту, вздрагивают, ноги ноют, руки трясутся, голова, сжимаясь, пылает, волосы, выбиваясь из-под прически, прядями спускаются на глаза, мешая видеть... Иголочка холодно скользит между пальцами. Самовар потух и жужжит чуть слышно.

Вечер все мутнеет и гаснет.

Бесшумно, качаясь, ты идешь в спальню.

Я не сплю, я совсем пригнулся к столу и отрывисто вожу пером по бумаге. Ленивая мысль глухо трудится, копошится, острой болью бьет в висок... Глаза слипаются. В запущенное окно смотрится жуткий призрак ночи.

Страница пишется за страницей. Мысль все ленивее и ленивее. Еще строка, еще усилие... еще!.. Нет! Силы упали, мысль потухла. Чудится, призрак ночи стучится в окно; свечи померкли.

Спит... Косы вокруг лица на подушке. Руки повисли, белые, вялые; грудь поднимает рубашку. Лучи ночника угрюмо скользят по лицу.

Глаза мои темны...

День отошел... Задувай свечу! Ночь томительно бредит!

Призрачно. Трепещут тонкие женские руки, ласка теплится; блуждая, скользит поцелуй, тают вечерние звуки смутного шепота...

Свете тихий!

\* \*  
\*

Зачем обнажая свои холодные плечи с гаснувшей улыбкой и тусклой лаской склонялась ты надо мною, осмеянная, поруганная людьми малютка-грешница, венчая усталым наслаждением убогий, медленный день труда? Зачем на другой день нищенское, промерзлое зимнее утро, пронизанное вялыми, длинными лучами солнца, озаряло страдальческое, изнуренное мною тело любимой моей, детки моей... бедной?

Свете тихий!..

### ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

*Я тебе ничего не скажу  
И тебя не встревожу ничуть...<sup>20</sup>*

А. Фет

Посвящено Л.\*\*\*

#### I

Розовая, трепещущая, в серебряных локонах ты лежишь в полутемной светлице на свежей душистой постели...

Ты девочка... твой крошечные груди не успели еще высоко подняться и назреть, но тонкие светлые ноги сладко и судорожно вздрагивают, курчавая головка смеется ослепительной улыбкой и губы шепчут невнятное...

Сейчас я подойду к тебе... тихо, молитвенно склонюсь к твоему недозревшему телу и коснусь твоего детского воспаленного лица усталыми преступными губами.... Розовая... постели.

\* \*  
\*

Я не могу тебя любить... не могу!

Память горит в моем старом намученном сердце...

Ты не веришь, что сердце мое старое? Да, оно старое, очень старое... Вот ты передо мной! Совсем еще девочка, личико покраснелось, губы щебечут и глазки смеются...

Ты сейчас бегала по саду и играла со своими подругами, такими же кудрявыми и хорошенькими девчурками... Я слышал детские визги, легкий топот маленьких ножек... голубые, белые платяца при знойном сверкающем солнце...

Я так люблю твоё кружевное сквозное платьице, освещенное солнцем...

Стеклянная дверь балкона со звоном растворилась, и ты впорхнула, и засмеялась, и дерзко обвила мою шею застенчивыми ручонками...

Кружева, кружева, кружева...

\* \*  
\* \*

Память горит в моем старом намученном сердце, рассыпает благовонные волосы, и стыдится первого поцелуя, и повторяет далекую клятву... далекую клятву.

## II

Вольно!

Белая молодая зима. Зима рассыпала по жемчужным плечам свои сверкающие кудри, о какие свежие, непонятные кудри! Как она ласкала ими лица, как я целовал ее руки...

Пожалей меня, пожалей!

Я ловил ее надменный поцелуй; она выскальзывала, набегала зади горячим морозом, охватывала меня страстными, целомудренными руками... Молодое, сильное безумие! Белая молодая зима!

Вольно!

Лошади фыркают и властно мчат по воле безумных детей.

– Я никогда не буду ничьей любовницей, никог-да!

– Ира!

Искорки чистых глазенок, ласковый трепет и мягкий бархат шубки.

– Ира...

«Ты не спра-ашива-ай, не ра-аспы-ытывай!»...

Лошади мчатся и мчатся. Зима обвеваает, обвивает и дышит, зима сыплет по обнаженным плечам свои сверкающие кудри, свежие, вольные кудри.

\* \*  
\* \*

Дождь сеет и стучит по железному подоконнику. Глаза смыкаются и блекнут, но взгляд, словно замкнутый в себя и отягченный печалью угаснувшей воли, ширится и растет, холодея от наступающего света... Чище, бестелеснее!

Вот раскрылся и видит...

Широко и светло! Что за белые, бесшумные крылья, что за сверкающие светлые кудри, что за вольная улыбка длинных синих лучей... Кто засветил? Кто дышит порывисто?

Здравствуй!

### III

Ты не знаешь, ты не можешь болеть моим горем, потому что ты не видела, как ясная женственная ласка в одно мгновение переходит в нечеловеческую отвратительную ярость; да, я видел, видел это. Я видел!

Устала горячечная нега летнего полдня. Белое окутанное лазурным шелком веянье дня уходит в облачное небо, рассыпая молочные, теневые блески. Зной опустил тонкие легкие руки и дышит не надыхитесь на свое томное младенческое тело...

Ты не знаешь, ты не видела того, что я видел... Не видела, зачем же глаза твои светятся стыдливой мольбой?

\* \*  
\* \*

Греза ли?

Слышишь: вечер, склоняясь к железной ряби пруда, мертвого и теплого, как только что умерший, пробирается по слизким корням прибрежных тростников и выпускает летучих мышей в мирный июньский воздух, они хрупко колышут стебли и летят... летят, испуганно мигая серыми крылами...

Слышишь: близко...

### IV

Утомили меня, о как меня утомили!.. Одинокий я, немощный, выброшенный, Грезочка моя... Ты не знаешь, ты далеко. Тебе расскажет об этом большая серебряная слеза, которая плачет там, на вечернем ледяном небе. Она знает, она видела... знаешь, Тихая?..

\* \*  
\* \*

Извели меня, утомили меня, о как меня утомили! Какими острыми и тонкими иглами противоречий, каким жестким огнем лживой

правды били они в мои больные виски. Я опускал и поднимал свои плачущие глаза, я рвался, падал, рвался... Да, да! Тебе расскажет об этом вяжущая, острая влага, крадущаяся над холодной твердой гладью полуночного пруда и сплетающаяся в тонкие отвратительные призраки, призраки, которые залезали, как пауки, в мою душу, и душа брезгливо вздрагивала.

\* \*  
\*

Холодно и зыбко рябится пруд, волнуемый пугливым полетом тусклого, дремотного тела. Холодно и зыбко. Сон ли? Бесстрастные бледные звезды. Мне смутно, мне жутко, но я ровно и плавно лечу, скольжу и свиваюсь...

Как вглядывается грустное небо, как сторонится серповидный месяц, как сосредоточенно пронизывает тихая дрожь...

Это – не пруд, – это – река, широкая, смелая!

Какая славная ширь, какие покойные волны. Где же берег?

Да, я оставил себя, забыл свой бедный, смутный облик, там далеко, далеко... Я – это мягкая, вяжущая влага, я этот пугливый неясный полет! Я чувствую, в моих седеющих волосах зыблется большая серебряная слеза синего неба, я чувствую, как я вытягиваю свою длинную лебединую шею созвучной тучи тумана над вымершей твердью воды.

И конца нет, и берега нет! И я свиваюсь, скольжу, несусь неразгаданно...

Грезочка моя, Грезочка!..<sup>21</sup>

*Химки. 23 июля 1894.*

## ВЕЛИКИЙ ПРАЗДНИК<sup>22</sup>

Из «Пасхальных гимнов»

Я провижу <за> бездной разбитых могил, сквозь туманы великого смутного счастья, широкое гуденье пасхальных колоколов, всю в цветах беломраморной паперти,<sup>23</sup> голубые одежды безгрешных невест и в сиянии великого счастья при плеске далеких волн и детских речей, заповеданный праздник.

Заповеданный праздник я провижу... Я провижу, как засмеется смолистой листвой зеленеющие леса, как заискрятся белые птицы

в чуть оснеженном небе, как лазури заиграют тихим крылом, над белым плеском полдневных волн на проснувшемся море.

Море вскинет свои искристые взоры к лучезарному воскресному небу... «Здравствуй, Священное небо». Солнце засмеется, золотой дрожью пробежит под пологом неба и небо ответит: «Здравствуй, здравствуй, бледно-пенно<е> море». Весенние молитвы заше<ве>лят струи моря, и белые птицы понесут их на небо.

Я провижу, что в тот час угаснет моя великая северная царевна в своем алмазном дворце – и вокруг сильнее и радостнее заискрятся белые птицы, в благодарственном гимне сольются морские струи и шелест листьев, брачные песн<и> и детские едва слышные речи...

Широкое гуденье пасхальных колоколов наполнит все стены, все воды, все леса и на пространство всей земли разнесут великую весть, что угасла великая северная царевна, расступ<ится> бледно-пенное море, тише, тише спускайте ее в бездонные воды... Тише порхайте, белые птицы в чуть оснеженном небе...

Пойте! Пойте, туманы, пойте, к<о>локола весенние, беломраморные паперти, пойте, невесты безгрешные в голубых непорочных одеждах, пойте вековечные струи белопенного моря, детские тихие взоры...

Величайте великий заповедан<ный> праздник. Пойте! Здравствуй, великая северная царица!

## КРЕСТ МОЕЙ СЕСТРЫ

Я сраспиналась с Тобою, Спаситель с усилием и болью – я полагала Твой крест в свое я, в свою будущую жизнь. Если мой крест и был слишком слаб, слишком тонок и хрупок, зато он вонзался в самую далекую глубь, зато он был прям и не допускал согнуться, зато он был остер <и> мрачен (?).

Я сраспиналась с Тобою своими помыслами, но не железными гвоздями прибывала свое будущее и грядущее – нет! – распинавшие меня гвозди были звуки благовеста... Я благословила и прославила Тебя тогда за то, что Ты сам соблаговолил укрепить мне моего сраспинания с тобою за то, что Сам прибил меня в этот миг твоими священными гвоздями, ибо в ту минуту удары колокола оглушили меня также, как удары молота оглушают распятого.

О пусть то сраспинание будет семенем зачатия – и пусть оживет.

Ты сам сказал: «Ты еже сееси, не оживет аще не умрет»<sup>24</sup>.

Я посеяла святейшим сраспятием с тобой, оно упало и умерло, но оживет ли?

О пусть! Пусть оживет взросшее и окрепшее, пусть вонзится глубже и дальше, пусть ранит больнее и сильнее, и пусть я тогда послужу тебе, Сраспятый со мною, жрицей!

Пусть я склонюсь возвеличенно, пусть я воскорблю радостно, пусть я возлюблю, ненавидя... Или ты дал мне одну силу жажды – и много слабости, слабости любви, веры, надежды?

Я молю робко об исцелении моего сомнения.

\* \* \*

Муза моя родилась вместе с первой моей грезой, хранимая, нежная, голубоокая...

Сначала я не сознавал своей музыки, но только чувствовал смутно, тускло.

Широкая квадратная комната, оклеенная голубыми обоями. Темно и жутко. Мебель спит. Папа, мама, младший брат спит. Мне не спится. Я приподнимаюсь и упершись локтем в подушки, гляжу. Умное, но измученное лицо папы – сосредоточенно. Кажется, он не спит, он ушел в свои думы и не шевелется. Мамины волосы раскинулись по подушке, доброе молодежавое лицо – блаженно. Что она видит во сне. Что? Я стараюсь догадаться. Глаза болят от напряженья. Я окидываю взглядом комнату. Ночник слабо мерцает. Сверху из угла смотрит Богоматерь умильно и ласково. На кого она смотрит? На папу или на меня? Кажется, на папу. Нет, на меня. Ах, вот на кого! На Юру!.. Глаза смыкаются... и болят. И чудится на стенке вырастают какие-то чудовища сказочные, страшные, я трясусь всем телом, но чувствуется, что они словно исходят из меня и медленно шествуя через комнат<у>, вытягиваются вдоль стенки и меняют цвет, меняют облик. Мне сладко, жутко и боязно... Я не могу оторвать глаза. В ушах отдается стук сердца.

Меня всего трясет... Мне уныло, страшно, остро-мучительно страшно. Я кричу, мама просыпается и бросается к моей кровати. Я впадаю в беспамятство...

\* \* \*

В тихие октябрьские, ноябрьские вечера, когда на улице серо, сыро, холодно, уныло, и дождь льет, и стучит в стекло, когда ветер ноет в трубе глухо и озлобленно завывая, а в уютной натопленной детской тепло, где и свет, и довольство, где горячо любимая и любящая мама читает сказку про глупого сына Ивана, который больше его умных братьев ясноокой царевне понравился, в детской, где легко и беспечно трепещут в нетронутой душе ребяческие мечты, улетающая туда, где ни граней, ни оков нет, где раздолье и свет, тогда сплетая тонкие кружевные звуки (?), улыбаясь, журча, напевая, незримо, но чуть слышно витали призраки детства и моя воздушная музыка.

<sup>1</sup> Текст этого стихотворения в прозе перечеркнут простым карандашом.

<sup>2</sup> Из стихотворения А. А. Фета «Давно ль под волшебные звуки...» (1842).

<sup>3</sup> Не вполне точное выражение из стихотворения Н. А. Некрасова «Родина» («И вот они опять, знакомые места...») (1846).

<sup>4</sup> Мф. 22: 37–39.

<sup>5</sup> Синезий Киренский (370/375–413/414) – христианский богослов, философ-неоплатоник.

<sup>6</sup> Зачеркнуто: *светло-зеленое беззвездное небо.*

<sup>7</sup> Далее зачеркнуты две строфы: *Страхи ночные молчаливо остановятся у брачного ложа и увидят, что ложе измято и пусто. И испуганно закроют очи и в ужасе убегут в мертвые сырые подвалы. / И в то мгновение, когда задымится лампадка под засохшей священной ветвью, в ужасе убегут в черное и сырое подполье.*

<sup>8</sup> Текст стихотворения в прозе перечеркнут.

<sup>9</sup> На полях надпись: «Набросок для памяти. Не читать!»

<sup>10</sup> Ср.: Проза Владимира Гиппиуса 1890-х гг. С. 31–32.

<sup>11</sup> Отсылка к финалу стихотворения А. С. Пушкина «Поэт и толпа» (1828): «Мы рождены для вдохновенья, / Для звуков сладких и молитв».

<sup>12</sup> Зачеркнуто: *и сытых.*

<sup>13</sup> Майер Николай Николаевич – сын статского советника, горного инженера, с 1895 студент юридического факультета Петербургского университета (ЦГИА, ф. 144, оп. 3, ед. хр. 31897), университетский товарищ Вл. Гиппиуса.

<sup>14</sup> Псал. 1:1.

<sup>15</sup> Публ. по автографу: ИРЛИ, ф. 77, ед. хр. 100, лл. 9–10. См. другие редакции этого текста: ИРЛИ, ф. 77, ед. хр. 100, лл. 1–2; 11–12.

<sup>16</sup> Из стихотворения А. С. Пушкина «Царскосельская статуя» (1830).

<sup>17</sup> Перед заглавием авторская помета: «И эта вещь нужна была для развития. Можно подумать, что пережаты даже детали! Искренно!»

<sup>18</sup> «Свете тихий» – один из древнейших (IV в.) христианских гимнов, традиционный исполняющийся в ходе вечерней церковной службы.

<sup>19</sup> Цитата из «Свете тихий». См. предыдущее примеч.

<sup>20</sup> Из стихотворения А. А. Фета «Я тебе ничего не скажу...» (1885).

<sup>21</sup> Публ. по автографу: ИРЛИ, ф. 77, ед. хр. 101, л. 5 об. См. другую редакцию этого текста: ИРЛИ, ф. 77, ед. хр. 100, л. 7–8.

<sup>22</sup> Публ. по автографу: ИРЛИ, ф. 77, ед. хр. 101, лл. 6–9. См. первоначальную редакцию этого текста: ИРЛИ, ф. 77, ед. хр. 100, лл. 5–6.

<sup>23</sup> Сверху вписано: *лестницы*.

<sup>24</sup> 1 Кор. 15:36.